

С. А. Аскольдов

ГНОСЕОЛОГИЯ

Статьи

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
Москва 2012

Рекомендовано к изданию
Издательским Советом Русской Православной Церкви
ИС 12-124-2542

Проект осуществлен совместно с кафедрой
философии и методологии науки философского факультета
Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова

Аскольдов С. А.

А-903 Гносеология: Статьи. — М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2012. — 200 с. — (Библиотека русской философской мысли).

ISBN 978-5-88017-288-7

Очередная книга из серии «Библиотека русской философской мысли» знакомит читателя с гносеологическими идеями выдающегося русского философа Сергея Алексеевича Аскольдова (1871–1945), профессора Петербургского университета. В сборник включены работы, созданные мыслителем в конце 10-х — 20-е гг. XX века, большая часть из которых с того времени не переиздавалась.

С. А. Аскольдов продолжил разработку концепции «панпсихизма», созданную его отцом — философом А. А. Козловым, положил начало оригинальной персоналистической теории познания и внес значительный вклад в идейную полемику с «антипсихологическим» направлением в гносеологии и логике.

Книга адресована научным работникам, преподавателям и студентам гуманитарных специальностей, а также всем, кто интересуется историей русской философии, актуальными проблемами теории познания и методологии.

УДК 165.12
ББК 86-372

ISBN 978-5-88017-288-7

© Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви, 2012

Биография

Сергей Алексеевич Аскольдов (Алексеев) родился 25 февраля (9 марта) 1871 г. Его отцом был известный философ Алексей Александрович Козлов (1831–1901). Увлечение отца социализмом и народничеством в молодые годы сказалось на судьбе сына. Женившись в молодости на крестьянке, Козлов после фактического распада брака так и не смог получить развод, поэтому его дети от второго брака — Сергей, Екатерина (1864–1944) и Наталья (1868–1911) считались незаконнорожденными. Фамилией Сергея стало отчество — Алексеев. Эту фамилию он порой указывал вместе с литературным псевдонимом — Аскольдов.

Семья проживала в Машарове, Калужском имении матери, Марии Александровны Челищевой, когда родился Сергей Алексеев (Аскольдов). Затем в конце 1875 г. они переехали в Париж, а в 1876 г. вернулись в Россию и поселились в Киеве. Там Сергей закончил гимназию, а затем в 1891 г. поступил в Петербургский университет. Здесь произошло окончательное становление Аскольдова как философа, и огромную роль в этом сыграл отец. Уже учась в университете на физико-математическом факультете, Сергей Алексеевич начал серьезно заниматься философией и гуманитарными науками. Два последних курса он являлся слушателем на историко-филологическом факультете.

В 1895 г., получив диплом по естественному отделению физико-математического факультета Петербургского университета, Сергей Алексеевич Аскольдов поступил на службу в Департамент таможенных сборов, где выполнял обязанности, связанные с химической и текстильной экспертизой, вплоть до 1917 г.

В конце 1897 — начале 1898 г. при Петербургском университете открылось Философское общество. Сергей Алексеевич сразу принял участие в его работе.

В 1900 г. Аскольдов женился на Елизавете Михайловне Голдобинной (1880–1955). Впоследствии у них родилось четверо детей — сын и три дочери: Владимир, Антонина (умерла в младенчестве), Мария и Александра.

В том же 1900 г. скромный служащий таможенного ведомства издал книгу «Основные проблемы теории познания и онтологии», весомо заявив о себе как философе. Можно только догадываться, какая напряженная интеллектуальная и духовная работа происходила в душе автора книги. Философия являлась для Аскольдова, как и для его отца, образом жизни, а не профессией (видимо, поэтому обоим философам была так близка фигура Сократа)¹. Он становится постоянным автором журнала «Вопросы философии и психологии», энциклопедии Брокгауза и Ефрона, других изданий. Сергей Алексеевич явился одним из основателей Петербургского религиозно-философского общества и первым председателем Совета ПРФО с момента избрания на учредительном собрании 9 сентября 1907 г.

В 1910 г. Аскольдов выдержал магистерский экзамен по философии в Московском университете, что формально давало право преподавательской деятельности. Однако на тот момент Аскольдов уже преподавал на различных частных курсах.

В 1912 г., будучи уже известным философом, Сергей Алексеевич опубликовал по-своему уникальную книгу, посвященную философскому творчеству отца, — «Алексей Александрович Козлов». В ней мы находим не только подробную биографию

¹ Современные интеллектуалы порой оперируют довольно странным понятием «профессиональный философ». Станным, потому что практически вся философия создавалась «непрофессионалами». Например, достаточно комично звучала бы формулировка «Сократ — великий профессиональный философ». Это небольшое отступление сделано с целью возразить оценке творческой деятельности Аскольдова, помещенной в сборнике «Антология феноменологической философии в России» (Т. I. М., 1997). Составитель и комментатор сборника И. М. Чубаров использовал недопустимые выражения в адрес личности и творчества русского философа только потому, что «непрофессионал» Аскольдов осмелился критиковать «профессионального феноменолога» Э. Гуссерля (1859–1938). *Далее об этом более подробно.*

Козлова, систематическое изложение его философских взглядов, но и удивительно тонкий анализ духовной эволюции этого философа.

1914 год — год начала Великой войны — можно назвать поворотным в истории России. Таким же он стал и в судьбе Аскольдова: Сергей Алексеевич выходит из Религиозно-философского общества, публикует свою главную книгу «Мысль и действительность», защищает магистерскую диссертацию, становится приват-доцентом Петербургского университета.

Остановимся на первом событии поподробнее, так как оно характеризует как саму обстановку в России того времени, так и личность Аскольдова. Для этого вернемся на несколько лет назад.

Уже на первом заседании ПРФО 3 октября 1907 г. обсуждался доклад Аскольдова «О старом и новом религиозном сознании», имевший во многом знаковый характер. Дело в том, что в самом начале деятельности Общества в нем определилось два религиозных направления (политических направлений было больше): православное и либерально-реформаторское. Аскольдов олицетворял собой первое, о чем недвусмысленно высказался. Правда, в то время он был еще далек от последовательной догматической позиции, но в своих мыслях о духовном обновлении общества и Церкви близкий к В. Эрну и В. Свенцицкому отвергал тупиковые искания представителей т. н. «неохристианства». Либерально-реформаторское «неохристианское» течение олицетворяла собой группа интеллигенции, близкая Мережковскому, проповедовавшая грядущий «Третий Завет» и «религию Святого Духа».

Вернувшись из Парижа в Петербург 12 июля 1908 г., чета Мережковский-Гиппиус и друг этой семьи Философов через три месяца фактически «захватывают» Совет ПРФО. 31 октября 1908 г. председателем становится Андреев, товарищем — Мережковский, а секретарем — Философов. З. Гиппиус записывает в своем дневнике: «Общество, затеянное по примеру собраний, а теперь едва прозябавшее, мы взяли в свои руки, сильно подняли и оживили его». Другая запись гласит: «Мы внесли в работу Общества мятежный дух, меняющий направление». Если проследить динамику развития ПРФО, то можно заметить, как оно превращалось в некую революционную организацию под знаменем нового религиозного сознания, весь пафос которого был направлен против

самодержавной власти и Русской Православной Церкви. В таком обществе Аскольдов, конечно, не мог находиться.

Поводом для оставления Сергеем Алексеевичем Общества послужило политическое судилище над Розановым, устроенное «мережковцами».

Как известно, Василий Васильевич Розанов представлял собой парадоксальное явление в философской и писательской среде: в разное время он мог отстаивать совершенно разные убеждения. Однако неизменной его чертой была религиозность. Поэтому Розанов одним из первых обратил внимание на политизацию собраний общества и писал об этом. После 1909 г. он уже не выступал с докладами, а был лишь слушателем. Публикации Розанова, касающиеся дела Бейлиса¹, вызвали не просто моральное осуждение у руководства Совета ПРФО, но и желание более жестких санкций в отношении философа. На заседании ПРФО было предложено исключить В. В. Розанова из Общества. Радикальные «мережковцы» не получили однозначного одобрения даже среди своих сторонников. Была принята более расплывчатая резолюция, тем не менее ставившая Розанова вне ПРФО. Сергей Алексеевич Аскольдов был против суда над Розановым. После доклада по «розановскому» делу тогдашнего председателя Совета Философов С. А. Аскольдов первым взял слово:

«По докладу, который мы только что выслушали, можно думать, что Совет Религиозно-философского общества вовсе не имел в виду производить суд над В. В. Розановым. Д. В. Философов в самом начале своей речи подчеркнул, что Совет не имел в виду судить его. Я не могу согласиться с таким заявлением. Я здесь нахожу какое-то вопиющее противоречие.

Нам было прочтено письмо г. председателем Общества. Из этого письма видно, что В. В. Розанов обвиняется в общественной непорядочности. Что же, — это обвинение не есть суд? Или слово непорядочность не имеет смысла? Что за противоречие?

¹ «Дело Бейлиса» — уголовное дело по факту убийства 12 марта 1911 г. двенадцатилетнего ученика подготовительного класса Киево-Софийского духовного училища Андрея Ющинского. Обвинение в ритуальном убийстве было выдвинуто против Менахема Менделя Бейлиса. На процессе, проходившем в Киеве с 25 сентября по 30 октября 1913 г., при равенстве голосов присяжных (шесть против шести) подсудимый был оправдан.

Засим, если нам предлагают исключить члена Общества, очевидно, за какую-то вину, то нельзя же исключать, не установив виновности. Преступление оглашено, и логически ясно, что суд над Розановым нужно сделать. Какая-то странная робость чувствовалась в словах докладчика, когда он сказал то, что является самым существенным.

Я протестую не по поводу исключения В. В. Розанова, а именно по поводу суда над В. В. Розановым. Ибо для меня ясно, и я утверждаю, что Совет призывает нас к суду.

Всем ясно, что суд вещь тягостная. Не только в Евангелии вы найдете слова: «Не судите, да не судимы будете», но и всякая религия в числе основных своих положений прямо или косвенно устанавливает, что осуждение других есть одно из самых тяжелых религиозных преступлений. <...>

И вот, я считаю, что суд для Религиозно-философского общества недопустим по принципу, по идее самого Общества. Из доклада Д. В. Философова выходило, что Религиозно-философское общество будто бы принуждено к этому суду над Розановым. Я тщетно старался услышать какие-нибудь доводы в этом отношении; я слышал только голословные утверждения.

Кто следил за деятельностью Религиозно-философского общества, прекрасно знает, что участие Розанова в то время, когда он стоял более близко к центральному ядру Общества, заключалось в том, что он читал рефераты, сидел и слушал. Розанов давно уже не выступает и вообще не приспособлен выступать в публичных собраниях, так что общая работа Общества с ним по существу почти невозможна, тем более она невозможна теперь.

Я думаю, что после всего происшедшего Розанов не только не пойдет сюда говорить, на что он физически не способен, но не придет сюда и слушать. (Голос: это фактически неверно!) И потому заявление о невозможности совместной работы не имеет смысла; давно уже никакой совместной работы здесь не было и не может быть. Да и вообще совместной работы, в практическом смысле, как сказал Д. В. Философов, не может быть между членами Общества. Д. В. Философов говорил, что лицо нашего Общества вынуждает нас к категорическому выбору. Я опять не могу с этим согласиться. У Религиозно-философского общества нет никакого лица: достаточно прочесть список 45 членов его, чтобы убедиться,

какая это разнородная компания; если же брать с точки зрения политических партий, то здесь можно насчитать 5–6 партий. Какое же это лицо, о каком лице мы здесь заботимся?

Затем, я не могу не сказать нескольких слов о преступлении Розанова. Хотя я считаю, что судить его мы не имеем основания, так как цель нашего Общества — только теоретическое обсуждение вопросов, и ничего практического наше Общество не должно иметь и по заданиям своим не имело, значит, при этих теоретических спорах необходима максимальная терпимость, — но я все-таки вынужден тем огромным обвинительным актом, который был прочитан и который так красноречиво и ярко обрисовал перед нами преступление Розанова, коснуться самого преступления.

Я начну с того, что преступление Розанова стародавнее. Мы все прекрасно знаем Розанова. Разве он когда-нибудь был осторожен в своих словах, разве было время, когда он не был ядовит и зол? Мы это прекрасно знали, и когда ядовитость Розанова распространялась на Церковь, ядовитость иногда злобная, мы только благодушно говорили: «Василий Васильевич, по обыкновению, нам сегодня наврал», — и больше ничего. Теперь мы вознегодовали, когда злое слово Розанова направилось в ту сторону, которая, по убеждению Совета нашего Общества, является противоположной Розанову. Итак, преступление Розанова, его злоязычие, старо.

Здесь многие приводили жестокие слова Розанова и говорили: «доколе же мы будем терпеть», «quousque tandem, Catilina?»¹ — слышали мы от Совета.

Но как будто только один В. В. Розанов жесток в словах. Господа, нужно быть немножко искренними и признать, что партийные страсти, которые неизбежны во всяком обществе, приводят к злобе и жестокости. Неужели только один Розанов говорил нам жестокие вещи? Что же, мы стали бы изгонять из нашего Общества и Константина Леонтьева, который тоже говорил жестокие

¹ «Доколе, Катилина?» (*лат.*) — начало первой обличительной речи Цицерона против патриция Луция Сергия Катилины, составившего антиправительственный заговор: Quousque tandem, Catilina, abutere patientia nostra? (Доколе же еще, Катилина, будешь ты злоупотреблять нашим терпением?). Фраза в обыденной русской речи использовалась в качестве выражения нетерпения.

вещи? Неужели ужасные жестокости говорил только Розанов, неужели все, особенно крайние партии, не неизбежно жестоки, и не только в словах, но и в делах?

Розанов до сих пор был жесток только на словах, но ведь мы знаем, что то, что находится на крайних полюсах, жестоко и в делах. Что же мы тут начинаем восклицать?

Господа, Совет Религиозно-философского общества предлагает нам судить Розанова, предлагает обвинить его в непорядочности. По этому поводу я только хочу напомнить чрезвычайное обстоятельство, на которое очень мало обращают внимание, а именно, что из всех категорий людей-злодеев, к каким бы партиям они ни принадлежали, Иисусу Христу были наиболее враждебны те, которые с уверенностью говорили: я хорош, а этот не хорош.

Господа, нам, членам Религиозно-философского общества, предлагают сказать: мы порядочны, а В. В. Розанов непорядочен. Ибо нельзя обвинять в непорядочности других, не будучи твердо убежденным в своей порядочности.

Я предлагаю членам не подавать совсем голосов»¹.

Читатель может заметить, что речь Аскольдова отмечена не только последовательной логикой и зрелостью суждений, в ней хорошо виден человек глубоко порядочный и справедливый. Таким предстает перед нами Аскольдов в отношениях с другими людьми, а также во всех идейных спорах.

16 ноября 1914 г. Аскольдов защищает в Московском университете магистерскую диссертацию, в основу которой легла его книга «Мысль и действительность». Книгу высоко оценил Л. М. Лопатин, высказавшись о ней в журнале «Вопросы философии и психологии»².

После защиты диссертации Сергей Алексеевич начинает преподавательскую деятельность в качестве приват-доцента Петроградского университета. В апреле 1918 г. его избирают доцентом кафедры философии, а с 1919 г. — профессором. В том же году по приглашению Московского университета Аскольдов выступил

¹ Цит. по: В. В. Розанов: pro et contra. Кн. II. СПб., 1995. С. 192–194.

² См.: Лопатин Л. М. По поводу нового труда С. А. Алексеева-Аскольдова «Мысль и действительность» // Вопросы философии и психологии. 1914. № 125. С. 519–531.

с лекциями по религиозной психологии, основой для которых стала его работа «Сознание как целое».

К сожалению, столь удачно начавшаяся карьера преподавателя философии довольно быстро закончилась.

В 1922 г. В. И. Ленин предложил заменить для представителей русской интеллигенции, активно выступающих против советской власти, расстрел высылкой за границу. Эта кампания получила название «философского парохода», так как большинство высланных, более 160 человек из 225, стали пассажирами двух рейсов немецких судов «Oberbürgermeister Haken» (29–30 сентября) и «Preussen» (16–17 ноября), направлявшихся из Петрограда в Штеттин. Были высланы коллеги Аскольдова по кафедре — Н. О. Лосский, И. И. Лапшин, однако Сергей Алексеевич не попал в списки высылаемых, возможно потому, что был «молодым» профессором, хотя и идеалистом. В начале 20-х последнее еще не было приговором, тем более, что в крайней «антисоветчине» Сергей Алексеевич замечен не был. Правда, в 1918 г., была его статья в сборнике «Из глубины...», подводившем итоги русской революции. После, как известно, много воды утекло, много было написано, а еще больше сделано.

Тем не менее оставаться на кафедре Аскольдов не мог — философы, не проповедовавшие большевистские взгляды, лишались работы¹. А Сергею Алексеевичу необходимо было кормить семью. В 1922 г. его сыну Владимиру исполнилось 19, старшей дочери Марии — 15, а младшей Александре — 11.

Аскольдову пришлось вернуться к преподаванию, так сказать, «нейтральной» общей технологии и товароведения в Политехническом институте. Параллельно он преподавал в средней школе логику и психологию.

К этому времени и относятся воспоминания академика Дмитрия Сергеевича Лихачева об Аскольдове:

«Когда в начале 20-х гг. Сергей Алексеевич Алексеев пришел преподавать психологию в нашу школу имени Лентовской, на Плуталовой улице Петроградской стороны, он был очень красив. Большая его фотография с белой бородой висела в витрине мастерской фотографа на Большом

¹ На преподавательской работе, но скорее как логик, а не философ, оставался вплоть до своей смерти в 1925 г. профессор Александр Иванович Венденский, который, будучи очень болен, вел занятия дома.

проспекте. Мы ходили группами смотреть на нее, чтобы сравнить с «натурой». Фотографические витрины были в те послереволюционные годы чем-то вроде нашего телевидения: они создавали популярность персонажам снимков. Зная очень мало о действительных заслугах Сергея Алексеевича перед русской философией и русской культурой в целом, мы считали его знаменитостью только потому, что его фотографическим портретом любовалась вся Петроградская сторона.

У нас в классе он не преподавал, а преподавал в классе постарше. Зато я его постоянно видел и слушал в тех многочисленных кружках, которыми наполнен был Петроград того времени. Прежде всего философские и литературные кружки были в самой нашей школе; на их заседания приходили многие «взрослые»: сам С. А. Алексеев, другие преподаватели.

Что было замечательно в преподавателях тех лет? — они все что-то продолжали изучать, у них были свои пристрастия, они умели спорить при людях, не боясь уронить свое достоинство и достоинство того, с кем спорили. Слушать их, когда они все собирались вместе и приводили своих друзей (одним из них был Евгений Павлович Иванов, ставший затем руководить занятиями одного из кружков), было сущим удовольствием.

С молодежью Сергей Алексеевич всегда общался как с равными ему по возрасту. Он приглашал меня к себе домой (жил он с семьей, из которой хорошо помню его сына-поэта, на Кронверкской улице в отличном доме). Он не только давал мне книги для прочтения, но и разговаривал со мной о своих впечатлениях от музыки и поэзии. Когда перед самым моим поступлением в университет от пристани на Васильевском острове отошел в Штеттин пароход «Preussen» («Пруссия») с учеными — цветом русской интеллигенции, о Сергее Алексеевиче «забыли», и он, по-моему, был этим даже немного обижен.

Я не помню Сергея Алексеевича улыбающимся или смеющимся. Он всегда был серьезен, всегда думал. Его часто видели на велосипеде с развевающейся седой бородой (ездил он гулять на Острова), но и на велосипеде у него был такой вид, точно он глубоко над чем-то задумался¹.

В 1922 г. в журнале «Мысль» вышли в свет две философские работы Аскольдова — «Аналогия как основной метод познания» и «Время и его преодоление». К сожалению, последняя статья была опубликована только частично, так как журнал власти закрыли. Впоследствии философ смог опубликовать в основном литературоведческие статьи — о творчестве Достоевского и Белого, о форме и содержании в искусстве.

В 1923 г. закрыли Философское общество при Петроградском университете. Однако духовная активность интеллигенции

¹ Лихачев Д. С. Воспоминания. СПб., 1995. С. 127.

переместилась в неформальные общества, которых на тот момент в Петрограде было достаточно много.

Сергей Алексеевич принимал активное участие в работе кружка Хельфернак («Художественно-литературная, философская и научная академия»), который собирался «в двух тесных комнатках Ивана Михайловича Андреевского»¹, преподавателя Лентовской школы, «на мансардном этаже дома по Церковной улице № 12 (ныне улица Блохина)»². Этот же кружок посещали тогда еще неизвестные никому И. Е. Аничков³ и М. М. Бахтин⁴. Расцвет кружка приходился на 1921–1925 гг.

Во второй половине 20-х гг. кружок все более приобретал религиозный характер, что было связано с гонениями, которым в тот период подвергалась Русская Православная Церковь. Все происходящее горячо обсуждалось на заседаниях. Стали подумывать об изменении направления кружка и о его новом названии.

«Все участники согласились, что кружок, из которого ушли уже многие атеистически настроенные участники, следует назвать «братством»»⁵.

Андреевский хотел, чтобы кружок стал называться «Братством митрополита Филиппа», однако под влиянием Аскольдова было принято решение называться «Братством святого Серафима Саровского». Вспоминает Д. С. Лихачев:

«1 августа 1927 г. в день обретения мощей Серафима Саровского на квартире родителей Люси Скуратовой, прелестной и очень религиозной девушки, был отслужен молебен. Служил отец Сергей Тихомиров. Комната (очевидно, гостиная) была большая, светлая, служил отец Сергей с необыкновенным чувством.

¹ Лихачев Д. С. Воспоминания. СПб., 1995. С. 130.

Андреевский Иван Михайлович (1894–1976) — психиатр, историк и фило-соф.

² Лихачев Д. С. Воспоминания. СПб., 1995. С. 130.

³ Аничков Игорь Евгеньевич (1897–1978) — русский лингвист (по образованию философ); профессор, доктор филологических наук; труды по английскому языку, методике преподавания, общей семантике и философии языка; его сочинения по религиозной философии, историософии и богословию не опубликованы.

⁴ Бахтин Михаил Михайлович (1895–1975) — русский философ, литературовед и теоретик искусства.

⁵ Лихачев Д. С. Воспоминания. СПб., 1995. С. 132.

В русском богослужении проявление чувства всегда очень сдержанно. Сдержанно служил и отец Сергей, но настроение передавалось всем каким-то особым образом. Не могу это определить. Это была и радость, и сознание того, что жизнь наша становится с этого дня какой-то совсем другой.

Мы расходились по одному. Против дома одиноко стояло орудие, стрелявшее в ноябре 1917 г. по юнкерскому училищу. Слежки не было.

Братство Серафима Саровского просуществовало до дня нашего ареста 8 февраля 1928 г.»¹

Сергея Алексеевича арестовали в сентябре 1928 г. В год ареста ему удалось опубликовать только одну статью, которую читатель найдет в этом сборнике, статью, сделавшую его впоследствии знаменитым среди лингвистов, — «Концепт и слово».

С 1928 г. для Аскольдова начинается череда арестов и ссылок. Вначале он был сослан в Рыбинск, где проживал за Волгой на Коммунальной улице в доме хозяйки Мониной. Нервное потрясение и глубокие душевные переживания привели Сергея Алексеевича к тяжелой болезни. Первую медицинскую помощь философу оказал известный рыбинский врач Константин Александрович Ливанов, который в своей дневниковой записи так отозвался о посещении больного:

«Шестого ноября, рано утром вызвали меня к больному профессору политехнического института С. А. Алексееву-Аскольдову. Колоссальное желудочно-кишечное кровотечение — вероятно на почве язвы желудка. Профессор сослан в Рыбинск на три года. Живет вдвоем с другим ссыльным. Комнатка маленькая, в частном доме, плата 20 рублей в месяц. Профессор лежит на неудобных козлах, жесткий тюфяк, тощая подушка. Питание плохое, заработков никаких. Для ухода за больным приехала его дочь, девушка 18–19 лет. Треть комнаты занимает стол с разными принадлежностями для производства кукол (заработок второго ссыльного — студента-медика). В углу, на полу, другой тощий тюфяк (вернее — мешок, набитый соломой). На нем спит дочь профессора. Все трое удивительно милые, кроткие люди. Настоящие христиане.

Профессор — последователь В. С. Соловьева, тонкий знаток и ценитель Достоевского, Розанова и А. Белого. Красивое, одухотворенное лицо в рамках белых волос, что-то от Соловьева в нем. Невольно думается: есть какой-то глубокий провидческий смысл в том, что такие люди рассеиваются по лицу земли русской»².

¹ Лихачев Д. С. Воспоминания. СПб., 1995. С. 136.

² Цит. по: Романов Д. В. Рыбинск в судьбах замечательных людей. Рыбинск, 1997. С. 96.

В Рыбинске Аскольдов подружился с Алексеем Алексеевичем Золотаревым¹, председателем Рыбинского научного общества. Многолетняя дружба с Золотаревым вписывает значительную страницу в жизнь Аскольдова в ссыльный период. Сегодня опубликована часть писем, написанных Аскольдовым Золотареву в разные годы². В них раскрывается интересная сторона интеллектуальной и духовной жизни Сергея Алексеевича, его философские и литературные предпочтения и оценки, ценные сведения об отношениях философа с Блоком, Белым, Вяч. Ивановым, Ахматовой.

В Рыбинске Сергей Алексеевич попал под новое обвинение и был выслан в Коми-Зырянскую область. С осени 1933 г. он получил возможность жить в Новгороде, где преподавал математику в средней школе. Отсюда ему даже удавалось приезжать в Ленинград, чтобы навестить семью. О последних годах жизни С. А. Аскольдова писал Д. С. Лихачев:

«В 1928 г. мы все были арестованы. Арестовывались все участники кружков. Сергей Алексеевич, по-моему, был просто выслан. Когда меня освободили в 1932 г., я жил в Ленинграде, а Сергей Алексеевич продолжал мыкаться по провинции. В середине 30-х годов он приезжал на несколько дней в Ленинград к семье из Новгорода. Встретиться в одной из наших квартир мы не решались: однопдельцы, продолжавшие собираться, арестовывались и получали второй срок. Поэтому мы свиделись с ним в Летнем саду. Долго ходили по дорожкам сада, время от времени оглядываясь. Я рассказывал ему о своем пребывании на Соловках и на Беломоробалтийском канале и о судьбе тех, с кем мы были знакомы. Он же рассказывал мне о себе и об Иване Михайловиче Андреевском, жившем в ссылке в Новгороде и на Волховстрое. Говорил он, что «утешается музыкой», любит «Римского»... (была такая манера у петербургской интеллигенции в двойных названиях или двойных фамилиях оставлять только одно слово, которое было в форме прилагательного: «Римский», «Лебединое», «Спящая», «Пиковая» и т. д. — так, кстати, говорила и А. А. Ахматова).

Запомнилось мне и то, что он продолжал упорно настаивать на своей идее канонизации Владимира Соловьева, придавал все большее и большее значение почитанию Серафима Саровского.

¹ Золотарев Алексей Алексеевич (1879–1950) — писатель и общественный деятель, краевед.

² См.: Аскольдов С. А. Письма к Золотареву // Минувшее: Исторический альманах. № 9. М.: Открытое общество: Феникс: 1992. С. 352–379.

Встреча с Сергеем Алексеевичем в Летнем саду была последней. Больше я его уже не видел. Слышал только, что нацисты захватили его в Новгороде и увезли в Германию. Он жил около Потсдама в так называемой «Русской деревне», где была русская церковь. Умер он, не выдержав своего ареста советскими освободителями. Похоронен он там же, но найти его могилу, когда я был в ГДР в 1966 году, мне не удалось¹.

Истоки философских взглядов

С. А. Аскольдова

То обстоятельство, что Сергей Алексеевич Аскольдов был сыном философа, безусловно, сказалось на его умственных устремлениях. Формирование и развитие философских взглядов С. А. Аскольдова (Алексеева) происходило под влиянием мировоззрения отца, который был одним из первых представителей персонализма в России. Однако как зрелый философ Аскольдов вполне самостоятелен. Вообще, так называемая оригинальность не должна считаться самоцелью, ведь истина не изобретается, а открывается. Если философ разделяет чьи-либо взгляды — это не признак его слабости.

Для того чтобы разобраться в вопросе, необходимо ввести читателя в историко-философский контекст.

В своей замечательной книге, посвященной философскому творчеству отца, Аскольдов высоко оценивает роль Козлова, называя его наряду с Соловьевым родоначальником христианской философии в России. Эта спорная мысль, тем не менее, не лишена оснований. Россия, к сожалению, не имела такой многовековой интеллектуальной традиции, которая была в Византии, и даже подобной той, которая сформировалась на Западе. Кризис же византизма в России был настолько глубоким, а влияние западной начала католической, а затем антикатолической секулярной мысли настолько сильным, что у мыслящих людей в России не было достойных образцов для научения, и, как следствие, иммунитета против чужих идей и заданной ими логики мышления, представлявшейся в таких условиях единственно правильной.

Но «Дух дышит, где хочет», и в жизни Церкви как Живого Тела Христова хранятся семена Истины. Поэтому возвращение в лоно Церкви образованных и мыслящих людей в России XIX в.

¹ Лихачев Д. С. Воспоминания. СПб., 1995. С. 129.

превратилось в тенденцию, которая значительно усилилась на рубеже XIX–XX вв. Разумеется, это совпало со становлением отечественной системы высшего образования (университеты, духовные академии). В России засияла плеяда талантливых мыслителей. К сожалению, не все русские мыслители смогли найти дорогу к Истине. Причины здесь не только те, что были названы ранее. Порой их можно увидеть, только близко познакомившись с биографией того или иного человека, с его отношением к себе, другим людям, миру в целом.

Радикальный поворот в отечественной философии к византийским истокам, к святым отцам, начал И. В. Киреевский (1806–1856), «самый западный славянофил»¹, как порой называют Ивана Васильевича.

Однако «философский проект Киреевского» практически не получил продолжения. Не было традиции, не было школы. Можно назвать имена следующих за Киреевским весьма достойных философов: Н. Н. Страхов (1828–1896), П. А. Бакунин (1820–1900), В. А. Снегирев (1844–1889), П. Е. Астафьев (1846–1893), В. М. Несмелов (1863–1937) и ряд других. Но в творчестве каждого из них не видно серьезной преемственности, оно словно всякий раз начинается с чистого листа.

В истории русской философии все же появляется человек, который впервые создает то, что можно назвать школой — это В. С. Соловьев. Соловьевская школа порождает плеяду талантливых мыслителей, с которыми часто связывают религиозно-философский ренессанс в России. Историк Концевич довольно резко оценивает роль Соловьева: «...Соловьев благодаря исключительному своему влиянию на современников, использовав вначале идеологию Киреевского, отвел затем пробуждающуюся русскую религиозную мысль от того пути, который указывал ей этот последний»².

¹ Эта характеристика выглядит достаточно правдоподобной, если не знать духовной биографии Киреевского. Распространенная точка зрения на творчество Киреевского — характерный пример того, какую злую шутку могут сыграть с автором философские увлечения юности, непонимание современников и советская историография.

² *Концевич И. М.* Оптина пустынь и ее время. Jordanville: Holy Trinity Monastery: New York, 1970. Репр.: М., 1995. С. 218.

Отчасти Концевич, конечно, прав, но ведь были и другие веяния. Было французское влияние через Мережковского, была индивидуальная рефлексия Розанова или Бердяева. Все это специфическое богоискательство зачастую опиралось то на язычество, то на неохристианство, что, в общем-то на поверку оказывалось одним и тем же. Проповедь свободы творчества и просто свободы, требование реформ Церкви и ликвидации «прогнившего» самодержавия, революционные идеи от либеральных до марксистских и пр., пр., пр. — все в итоге распатало общество, дошедшее в своем психическом состоянии к началу 1917 г. до массовой революционной истерии. В то же самое время тенденции подлинного духовного оздоровления оказались достаточно слабыми. Они не имели значительного влияния на общественную психологию и нравственность.

Русская философия стала, по мысли В. Ф. Эрн, полем борьбы между Логосом и рацио¹. К философской судьбе и Козлова, и Аскольдова полностью подходит характеристика, данная Эрном. Но что самое главное для нас сегодня: в случае с Аскольдовым и его отцом победа все-таки осталась за Логосом.

Важнейшим обстоятельством их философской эволюции было то, что она проходила не по рациональной логике кабинетного ученого, а определялась духовными поисками, включавшими и поражения, и победы.

Козлов, а за ним и Аскольдов, начал свое движение в философии, отталкиваясь от формы лейбницианства, в большей степени соответствовавшей христианскому религиозному сознанию — персонализму Г. Тейхмюллера.

Густав-Август Тейхмюллер

(1832–1888)

В 1871 г. Густав-Август Тейхмюллер, декан философского факультета Базельского университета, был приглашен на философскую кафедру Дерптского (Юрьевского) университета. Еще

¹ См.: *Эрн В. Ф.* Борьба за Логос // *Эрн В. Ф.* Сочинения. М., 1991. С. 9–294; см. также: *Петруня О. Э.* Туники софистики и пространства философии: новый этап борьбы за Логос // *Вестник Московского университета. Серия 7: Философия.* 2007. № 3. С. 44–64.

до переезда в Дерпт Тейхмюллер работал в Геттингенском университете, где вошел в дружеские отношения с Г. Лотце¹, на тот момент одним из самых известных философов Германии. Это, безусловно, не могло не сыграть своей роли. Идеи Лотце, развиваемые в духе монадологии Лейбница, определили направление философских поисков Тейхмюллера. Густав Тейхмюллер не только ввел в широкое употребление термин «персонализм», но, последовательно развивая учение о бытии, наполнил этот термин конкретным содержанием.

Всесторонний анализ позволил философу показать, что субстанциональной формой бытия или бытием по преимуществу (par excellence) является «Я» (личность). Подход Тейхмюллера как представителя западной традиции, таким образом, является явным новшеством². Сам Тейхмюллер справедливо замечал, что после Канта исследователи поступают весьма странно: приписывая бытие предметам чувственного опыта, сомневаются в существовании «Я», т. е. своем собственном существовании. Ошибка здесь заключается в том, что концепцию «Я» пытаются построить на основе знаний о других предметах. «Я» сознает, что оно существует во многих деятельности, которые по своему идейному бытию различны, что оно сразу и в численном единстве деятельно во всех своих деятельности и, что, единое по числу, оно мыслит, двигает и желает содержания этих деятельностей. «Я» не есть сумма или продукт; оно находится во всех своих частях как целое, не поделено (nicht geteilt), а части его заключаются в целом именно как части, а не как нераздельные. У вещей же части даны наперед, и мы только соединяем их в представление целого; части же мы по произволу можем отнимать от так называемого целого вещи. В «Я» нет представлений без представляющего, движений без двигающего и т. д. Словом, нельзя прилагать к «Я» чуждых ему шаблонов³.

Вокруг Тейхмюллера и его учения довольно быстро сформировался круг последователей и учеников из числа преподавателей

¹ Лотце Герман Рудольф (1817–1881) — немецкий философ, врач, естествоиспытатель.

² Это верно и при сравнении идей Тейхмюллера с монадологией Лейбница (1646–1716) или субъективным идеализмом Фихте (1762–1814).

³ Бобров Е. А. О понятии бытия. Учение Г. Тейхмюллера и А. А. Козлова. Казань, 1898. С. 22–23.

лей университета — Е. А. Бобров¹, Л. Ф. Лютославский, Я. Ф. Озе и др., т. е. то, что иногда называют юрьевской философской школой. Надо упомянуть, что до 1893 г. языком преподавания в университете был немецкий, однако к концу XIX в. процесс постепенной ассимиляции немецкого населения сделал возможным преподавание на русском языке. Деятельность Тейхмюллера пришлась как раз на конец этого периода. Сам Тейхмюллер писал по-немецки, поэтому его взгляды в русских академических кругах стали известны во многом благодаря ученикам, прежде всего Евгению Александровичу Боброву.

Однако безусловная заслуга в популяризации идей Тейхмюллера принадлежит и Алексею Александровичу Козлову, ставшему в 80-е гг. XIX в. центральной фигурой русского персонализма.

Отец — А. А. Козлов

(1831–1901)

Эволюция Козлова от политического народничества к фундаментальной персоналистической онтологии проходила по очень сложному пути.

Как сообщает Аскольдов в книге об отце², участь в Московском университете, Алексей Александрович большую часть времени проводил в товарищеских кружках и беседах, небрежно посещая лекции даже такого выдающегося профессора как Грановский³. Тем не менее, философский ум уже давал о себе знать, и Козлов жил достаточно напряженной интеллектуальной жизнью, но вне рамок университета. Группой студентов, в которую входил Козлов, заинтересовались славянофилы. Особенно частым гостем этих собраний был А. С. Хомяков, каждую неделю навещавший их скромное жилище и часами горячо споривший с молодежью. Как замечает Аскольдов, общение со славянофилами очень многое дало Алексею Александровичу, пробудив в нем интерес к философским предметам и познакомив с идеями немецкого идеализма⁴.

¹ Бобров Евгений Алексеевич (1867–1933) — философ, исследователь и переводчик Лейбница.

² См.: Аскольдов С. А. Алексей Александрович Козлов. СПб., 1997.

³ См.: Там же. С. 54.

⁴ См.: Там же. С. 56.

После многих жизненных перипетий, включающих политический арест 1866 г., Алексей Александрович Козлов проживал в Машарове, занимаясь сельским хозяйством. Серьезное увлечение философией произошло именно в этот период, когда ему было уже 40 лет, и внешне выглядело довольно случайным. Вот как пишет об этом Аскольдов:

«Козлов имел обыкновение, ложась спать, брать какую-нибудь книгу для чтения перед сном. Однажды вечером он случайно взял с полки первую попавшуюся книжку, которая оказалась известным сочинением Фрауэнштедта «*Briefe über die Schopenhauer'sche Philosophie*». Эта книга так его увлекла, что он читал ее до утра, и на другой день даже пропустил ради нее некоторые сельскохозяйственные работы. Результатом чтения этой книги было то, что он выписал себе все сочинения Шопенгауэра и всецело подпал его влиянию. Вместе с этим он стал основательно знакомиться и с другими философами и прежде всего с Кантом. Хотя это событие являлось случайностью, как бы решающей всю дальнейшую судьбу Козлова, однако по существу эта случайность была лишь внешним поводом для перемены его интересов и деятельности. Если принять в расчет весь склад ума и характер Козлова, то его обращение к изучению философии можно признать в известном смысле неизбежным и от случайностей здесь зависело то, заинтересовался ли он философией годом раньше или годом позже... В сущности, философский склад мышления был присущ ему и раньше и только не мог найти адекватное ему содержание, отчасти вследствие отсутствия философских наук в университетском преподавании того времени, отчасти ввиду того, что вся обстановка, его ближайшие товарищи и друзья, а главным образом его страстный темперамент направляли его внимание и интерес в совершенно другую сторону»¹.

Занятия Козлова философией носили вполне систематический характер, так что он вошел в круг философских интересов того времени и следил за философской литературой. После изучения философии Шопенгауэра Алексей Александрович перешел к изучению трудов Эдуарда Гартмана. Результатом такой работы стала книга «Философия бессознательного Эд. Гартмана»², имевшая большой успех. В процессе создания этой книги Козлов вошел в переписку с Гартманом, который в числе прочего знакомил Алексея Александровича с новейшей философской

¹ Аскольдов С. А. Алексей Александрович Козлов. СПб., 1997. С. 60.

² Козлов А. А. Сущность мирового процесса, или Философия бессознательного Э. фон Гартмана. Вып. 1–2. М., 1873–1875.

литературой Германии, а последний, в свою очередь, немецкого философа с наиболее значимыми философскими работами в России.

Поворотными для Козлова стали 1875–1876 гг., когда он сначала, продав имение, уехал вместе с семьей в Париж, а затем через короткий срок вернулся в Россию и стал приват-доцентом Киевского университета. В Киев Козлова пригласил его университетский товарищ профессор А. А. Котляревский¹. На тот момент Козловым были изданы еще две статьи («По поводу диссертации Соловьева» и «Об исторических письмах Миртова»²), а также первая часть самостоятельного философского исследования — «Философские этюды». В 1880 г. он защитил магистерскую диссертацию «Метод и направление философии Платона» и был назначен доцентом. В 1884 г. Козлов написал докторскую диссертацию «Генезис теории пространства и времени у Канта» и защитил ее в Петербургском университете. В том же году Алексей Александрович становится экстраординарным, а через два года (1886) ординарным профессором Киевского университета.

Среди философских произведений, написанных в период работы в Киевском университете (1876–1887), стоит отметить «Философию действительности», в которой излагалась система Евгения Дюринга, и статьи под общим названием «Современные направления в философии», выходявшие в издававшемся В. Ф. Коршем³ «Заграничном вестнике» (1881–1882).

С 1885 г. Алексей Александрович начал издавать первый в России философский журнал «Философский трехмесячник», состоявший из его собственных статей. Издание прекратилось после случившегося инсульта. Еще целый учебный год (1886/87) после болезни Алексей Александрович преподавал, отмечая в беседах с близкими, что болезнь несколько не сказалась на его умственных силах, и они не только не ослабли, но до известной степени

¹ Котляревский Александр Александрович (1837–1881) — ученый-славист, археолог и этнограф; ученик знаменитого филолога Федора Ивановича Буслаева (1818–1897).

² Миртов — псевдоним теоретика «революционного народничества» Лаврова Петра Лавровича (1823–1900).

³ Корш Валентин Федорович (1828–1893) — журналист и историк либерального направления.

возросли. Однако физически Козлову было крайне нелегко, так как передвигаться самостоятельно по комнате он не мог.

Рубеж жизни Алексея Александровича проходит именно в этот период. Дело не только в том, что Козлов вследствие постигшей болезни стал физически немощен. Изменилось, прежде всего, его мировоззрение. Это изменение отразилось в заменившем «Философский трехмесячник» новом философском журнале «Свое слово», первый номер которого вышел в 1888 г. Основное содержание журнала составляли «Беседы с петербургским Сократом», написанные Козловым в форме диалогов «Сократа с Песков» с различными персонажами. В число действующих лиц были включены и известные литературные герои Достоевского.

Изменение, лучше сказать утверждение, философской позиции сам Козлов связывал с усердным изучением в 80-е гг. Лейбница, но особенно со знакомством с работами Тейхмюллера. Сергей Алексеевич Аскольдов, знавший отца как никто другой, открывает нам и другую сторону этого обращения. Не столько доводы Тейхмюллера, сколько личные переживания в посланных русскому философу испытаниях окончательно определили его философскую позицию:

«Сущность всей этой перемены состояла именно в переходе от периферического к внутреннему. Если весь внешний мир потускнел в сознании Козлова, то с тем большей яркостью и определенностью выступили в его духовном опыте сознание собственного «я» и сознание Бога. Именно поэтому эти два пункта сделались основными и в его философских воззрениях. Было бы ошибочно думать, что нашим объяснением генезиса окончательных философских воззрений Козлова мы как-либо подрываем их теоретическую обоснованность и ценность»¹.

В 1891 г. Козлов переезжает в Петербург, где в тот момент уже учился в университете Сергей Алексеевич Аскольдов. Алексею Александровичу удалось в первый же год собрать вокруг себя некоторую группу слушателей, по словам Аскольдова, человек 15–20, которым он читал лекции на дому. Среди прочих были слушатели известного профессора анатомии П. Ф. Лесгафта². Сам

¹ Аскольдов С. А. Алексей Александрович Козлов. СПб., 1997. С. 115.

² Лесгафт Петр Францевич (1837–1909) — русский педагог, анатом и врач; один из создателей теоретической анатомии.

Лесгафт тоже заинтересовался лекциями и посещал их в течение целого семестра.

Основными посетителями Козлова в Петербурге были его старые знакомые П. В. Мокиевский¹, В. В. Тимофеева, В. В. Чуйко². Изредка его навещал приезжавший из Москвы Николай Яковлевич Грот. Здесь же возникла переписка Алексея Александровича с учеником Тейхмюллера Евгением Александровичем Бобровым, впоследствии перешедшая в дружеское общение. Бобров был особенно дорог Козлову, являясь фактически его единственным полным единомышленником в философии. Одним из результатов этого общения стала вышедшая в 1898 г. замечательная книга Боброва «О понятии бытия. Учение Г. Тейхмюллера и А. А. Козлова»³. Книга дает достаточно полное представление о философии двух крупных представителей персонализма в России. Кстати, Бобров фактически подтверждает мысль Аскольдова о большой философской самостоятельности Козлова и утверждает его значительный вклад в развитие учения о бытии, заложенного Тейхмюллером:

«Хотя его (Козлова. — О. П.) учение (о бытии. — О. П.) и создано под влиянием теории Тейхмюллера, но изложению А. Козлова нельзя отказать в этом пункте его системы (как и во многих других) в собственной оригинальности. Он значительно упрощает решение проблемы бытия, исходя прямо **из различия сознания сложного и сознания первоначального**. А. А. Козлов резче подчеркивает гносеологический и логический характер своего исследования и дает определение не бытия, а именно **понятия бытия**. В истории проблемы бытия рассуждения А. А. Козлова представляют собою необходимое, второе после Тейхмюллеровой теории, звено, которого из цепи не выкинешь»⁴.

Теперь, надо полагать, читателю становится отчетливо видна философская линия Тейхмюллер–Козлов–Аскольдов. Сергей Алексеевич, с одной стороны, благодаря отцу основательно знакомый

¹ Мокиевский Павел Васильевич (1858–1927) — доктор медицины, философ.

² Чуйко Владимир Викторович (1839–1899) — литературный и художественный критик.

³ Бобров Е. А. О понятии бытия. Учение Г. Тейхмюллера и А. А. Козлова. Казань, 1898.

⁴ Там же. С. 5.

логическая 156
мысли 88–89, 121
  априорная 70
мышления 52, 59
непрерывной связи 82
опыта 58, 62
органическая 152–153
органической жизни 143–144
познавательных процессов 65
причинной связи 61
пространственная 82
рационализма 56
религиозности 25
речи 81
силлогизма 156
сознания 94, 134
соотношения
  между частями и целым 130
  реальностей 64
суждения 49
интуитивистской теории 147
типическая 142
трансцендентального идеализма 69
цветка 126
эмпиризма 52, 56, 61–64
языковая 80
Формализм 169
Формула
  Протагора 42
  сознания трехчленная 79–96, 98–99
  языка 33
Функция 79

Ценность 55, 71, 124, 159, 171
  абсолютная 65, 70
  жизненная 66
  историко-культурные 71
  самодовлеющая 170
  теоретическая 22
  художественная 170, 175–176
Церковь 5–6, 8, 12, 15, 17, 25, 27

Чувства 27, 33–35, 61, 66, 89–91, 98,
  100–101, 103–104, 106⁽¹⁾–109, 111–113,
  120–121, 123–126, 128, 147–148, 152,
  168–169, 171, 176
  истины 156
  нравственные 147
Чувственное 32–34, 123–124
Чувственность 34, 124

Чувствительность 113

Школа психологическая 127²
Школа философская 16, 43², 56
  античная 40²
  древняя 44
  гносеологическая 28
  досократическая 39⁵
  неокантианства
    Баденская 54⁽³⁾, 71¹
    Марбургская 53², 54^(4,5), 55, 71
  перипатетическая *см.* Ликей
  платоновская *см.* Академия
  Соловьева 16
  феноменалистская 31
  Элейская (элэатская) 39^(5,6), 43
  эмпирическая 44
  Юрьевская 19

Эклектизм 56
Эмоции 91, 98, 100–103, 106⁽¹⁾–109, 113,
  158, 169, 173, 174¹
Эмпиризм 41, 44–48, 51–53, 56–57, 60–
  68, 71–73, 138
  докантовский 46–47
  эмпириокритицизм 30, 64^(1,2)
Энергетизм 138
Энергия 80, 92–93, 111, 114, 119
  бытия 95
  психическая 127¹
  сексуальная 127²
Этика 76, 128

«Я» 18, 22, 24, 32, 35–36, 51, 80, 83, 85–86,
  89, 92, 94–104, 107–108, 112–113, 115–
  123, 126–128
  абсолютное 58, 60, 69
Явление 34¹, 42, 48, 54, 62–65, 71, 74, 132–
  137, 140
  душевное 97–113
  загадочное 159
  обыденной жизни 133
  окружающего мира 65, 74
  опыта 48
  парадоксальное 6
  природы 134–135
  языкового сходства 174¹
Являемость 59, 64
Ясновидение 125

<i>О. Э. Петруня.</i> Сергей Алексеевич Аскольдов: несостоявшаяся революция в теории познания	3
Гносеология	38
I. Общий обзор развития гносеологии в ее основных проблемах	38
II. Характеристика основных гносеологических направлений и их подразделений	57
Сознание как целое. Психологическое понятие личности	74
I. «Сознание» и метод точной науки	74
II. Трехчленная формула сознания	79
III. Направленность сил внутри сознания и группировка душевных явлений	97
IV. Глубина сознания и личность	114
Аналогия как основной метод познания	129
Концепт и слово	157
I. Тысячеугольник и «лукоморье»	157
II. Три понимания познавательных концептов	160
III. Концепт как заместитель	161
IV. Природа познавательных концептов	163
V. Художественные концепты	168
VI. Слово как составная часть художественного концепта ...	172
<i>О. Э. Петруня.</i> К учению Аскольдова об аналогии и концепте ..	178
Именной указатель	183
Предметный указатель	186

Научное издание

БИБЛИОТЕКА РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Сергей Алексеевич Аскольдов

ГНОСЕОЛОГИЯ

СТАТЬИ

Редактор *О. Э. Петруня*

Технический редактор *Э. С. Кондрашова*

Корректор *А. Б. Григорьев*

Верстка *И. И. Покидова, М. А. Алимтеев*

Подписано в печать 10.02.2012. Формат 60 × 84 1/16.

Физ. печ. л. 12,5. Тираж 3 000 экз. Заказ № .

Издательство Московской Патриархии

Русской Православной Церкви.

119435, Москва, ул. Погодинская, д. 18

Отдел реализации: (499) 246-20-85, 246-52-08

Магазин: (499) 245-30-68

E-mail: books@rop.ru